

Почему россияне проголосовали за Жириновского?

Из выступлений на симпозиуме я хотел бы обратить внимание на очень важную реплику Алексея Береловича: "Нельзя говорить об итогах выборов: "Вот народ теперь себя показал". Надо вникнуть в условия, которые вынудили людей голосовать за Жириновского". А для них характерно отчаянье. И нужно хорошенько подумать, прежде чем решить, кто "сдурел": Россия или власть.

Приводятся данные, что в некоторых регионах процент голосов, поданных за Жириновского, высок. В частности, в Сибири. А какая там жизнь? В какие невыносимые условия поставлены работники ВПК, крестьяне, северяне? Столичный бомонд склонен не замечать их, перефразировывая известные слова МЛомоносова: "Российское могущество прирастать будет *за счет* Сибири". А сибирякам это не нравится почему-то. Почему в этих условиях мы должны отказываться в вынужденной мудрости позиции: за Конституцию (т.е. против хаоса и анархии), но против авторитарных замашек президента? То есть, говоря иными словами, "на то и Жириновский в Думе, чтобы Ельцин не дремал". По-моему, мы неправильно оцениваем и историческую роль нашей интеллигенции. Это пошло от партийного подхода к ней. Я не собираюсь строить новую концепцию роли интеллигенции. Но, мне кажется, необходимо различать в ней по крайней мере две группы: 1) тех, кто захвачен политическими страстями, всегда на авансцене, всегда возле власти, чтобы выслужиться и поживиться (или свергнуть власть и опять же поживиться); и 2) собственно интеллигенцию — учителей, врачей, инженеров, богословов — тех, чьим трудом создавались и множились духовные и моральные ценности, и которые всегда ощущали нужность себя и своей работы для жизни народа так, как это чувствует хлебороб. Политические

пристрастия и их не минуют, но они для них вторичны, вроде легкой сыпи, которая быстро проходит, ибо главное для них — строить, лечить, учить, сеять разумное, доброе, вечное.

Они строили жизнь и при царе, и при большевиках. Новая власть после 1917 г. ненавидела их не менее, чем эмигрантов, и уничтожала как социально чуждых. Но в них таится залог будущего процветания, как об этом недавно справедливо писал Жилев в журнале "Новый мир". И горе нам, если мы проигнорируем, недооценим их. Ибо сейчас, когда наш государственный корабль попал в шторм, те захваченные политическими страстями представители первой группы лишь мечутся с одного борта на другой, усиливая дифферент судна, а второй группы — придают ему устойчивость.

Говоря об интеллигентах такого рода, я имею в виду и чиновников, бюрократов. Читая "Дневник писателя", мало известное, к сожалению, у нас произведение Федора Михайловича Достоевского, я обратил внимание на его разговор с бюрократом. Последний отстаивал необходимость своего сословия, ибо полагал, что это скелет в живом организме и без него все рассыплется. Ф.М.Достоевский не соглашался с бюрократом, полагая его фигурой уходящей, но все же неожиданно для читателя, вдруг признал, что была в его словах "какая-то грустная правда".

Вот нынче и мы, проведя годы в героической борьбе с бюрократом, похоже, вынуждены будем согласиться со словами Достоевского, если, конечно, иметь в виду не хапугу, не взяточника, а нормального в веберовском смысле бюрократа. Без него нам, как, впрочем, и другим странам, в ближайшем будущем не обойтись. И важно не "ликвидировать" его, а цивилизовать. Ведь борьба с ним ведет к тому, что на смену одному старому бюрократу приходят десять некомпетентных новых.

Такое дифференцированное отношение к нашей интеллигенции необходимо, без него мы не преодолеем российской привычки вместе с водой выплескивать и ребенка.